

«ЦЕРКОВЬ ОДНА»

[Владимир Воробаев](#)

А.С. Хомяков и Н.В. Гоголь о единстве Церкви.

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.В.ГОГОЛЯ И 215-ЛЕТИЮ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ХОМЯКОВА

Алексей Степанович Хомяков сегодня более известен как один из идейных вдохновителей славянофильства, как поэт и публицист. В наше время были изданы его поэтические произведения («Библиотека поэта». Большая серия, Л., 1969) и критические статьи («О старом и новом», М., 1988). Но с начала 1990-х годов начали переиздаваться и его историософские и - главное - богословские сочинения (Сочинения: В 2 т. М., 1994; Сочинения богословские, СПб., 1995). Ранее, в 1991 году, была напечатана в журнале «Литературная учеба» (№ 3) «Церковь одна». Это первое и наиболее яркое богословское произведение Хомякова. В сжатой, отточенной и образной форме он обосновывает учение о единстве и единственности Церкви. Трактат произвел в свое время большое впечатление на тех людей, кому Хомяков дал его прочесть под видом не своего, а как бы обнаруженного сочинения неизвестного православного автора прошлых

времен.

Впервые «Церковь одна» была опубликована уже после смерти Хомякова, в 1864 году, в тринадцатом томе журнала «Православное Обозрение» (под названием «О Церкви. Из неизданных сочинений А.С. Хомякова»), по рукописи, предоставленной сыном философа Дмитрием Алексеевичем. В рукописи это произведение озаглавлено «Церковь одна»; под этим названием в дальнейшем оно и издавалось. Трактатом открывается второй том собрания сочинений Хомякова («Сочинения богословские» - Прага, на титуле 1867-й, в действительности - 1868 год), изданного под редакцией ученика и друга Хомякова Юрия Федоровича Самарина - представителя младшего поколения славянофилов, публициста, литературного критика, историка и богослова. Здесь же появилось и второе название труда: «Опыт катехизического изложения учения о Церкви», уточняющее его характер.

Самарин снабдил том предисловием (имеющим вполне самостоятельное значение), в котором с почти художественной силой и наглядностью раскрыл смысл богословских сочинений Хомякова. К распространению в России этот том постановлением Святейшего Синода был разрешен в 1879 году; и первое русское издание его (М., 1880) сопровождалось следующим примечанием: «...неопределенность и неточность встречающихся в нем некоторых выражений произошли от неполучения автором специально-богословского образования». Примечание сохранялось во всех последующих изданиях, включая последнее одиннадцатое (М., 1918). Однако имеются свидетельства, что трактат одобрен был святителем Филаретом, митрополитом Московским, а харьковский архиепископ Нектарий дал положительный отзыв о богословских сочинениях Хомякова.

В XX веке отдельным изданием «Церковь одна» выходила неоднократно. В 1926 году философ Лев Карсавин выпустил ее в Берлине со своим предисловием и примечаниями, в которые он включил обширные отрывки из других богословских произведений Хомякова, помогающих уяснению «Опыта». В 1953 и 1975 годах «Церковь одна» была издана иждивением Братства преподобного Иова Почаевского в США - оба раза с предисловием Юрия Самарина к богословским сочинениям Хомякова. Однако эти издания в текстологическом отношении не могут считаться образцовыми, так как за основу текста в них было принято не издание Самарина (сделанное по рукописи), а последующие перепечатки в собраниях сочинений Хомякова с редакторскими исправлениями.

Неудовлетворительно в текстологическом отношении и издание 1994 года (Приложение

к журналу «Вопросы философии», подготовка текста В.А. Кошелева, В.М. Лурье, Н.В. Серебренникова, А.В. Чернова). Источниками публикации стали две авторизованные копии: одна сделана рукою П.И. Бартенева, другая Ю.Ф. Самарина (обе хранятся в Государственном историческом музее в Москве). Поскольку рукопись Самарина отличается большей полнотой и точностью, она и положена в основу публикации текста. Разночтения приведены в комментариях. Но вот что примечательно. В обеих копиях пропущен текст Никео-Константинопольского символа [1].

В первых изданиях трактата (в «Православном Обозрении» и пражском) приводится текст Символа Веры, где использована грамматическая форма множественного числа, - в точном соответствии с деяниями первых четырех Вселенских Соборов. В церковной практике с глубокой древности утвердилась форма единственного числа: «Верую...», «Исповедую...», «Чаю...». В собраниях сочинений Хомякова начиная со второго издания 1880 года Символ Веры приводится в церковно-канонической редакции. В этой редакции напечатан он и в издании 1994 года.

Вернемся теперь к истории создания трактата. В краткой преамбуле к нему Самарин писал: «Мы не можем определить в точности, к какому году относится этот опыт; но несомненно, что в сороковых годах он уже был написан. А.С. Хомяков долго держал его в портфеле, так что об нем не знал никто; впоследствии он возымел мысль перевести его на греческий язык и напечатать в Афинах, но это предположение не состоялось».

В этих словах Самарина есть по меньшей мере две неточности. Дело в том, что Хомяков первоначально выдавал свое произведение за найденную древнюю рукопись на греческом языке - которую он перевел на русский - и в этом качестве показывал ее многим и пытался опубликовать. Самарин не мог не знать об этом: именно к нему обращено письмо Хомякова 1846 года с просьбой содействовать публикации рукописи в Германии: «Покойный Д.А. Валуев (историк-славянофил и родственник Хомякова. - В.В.) нашел греческую рукопись (кем писанную, греком или другим каким православным, неизвестно), содержащую в себе изложение православного учения, и вез ее в чужие края с намерением напечатать, находя ее весьма примечательною. К ней приделал он маленькое предисловие по-латыни, и вся рукопись составила бы около двух печатных листов. Мы, то есть здешние друзья Валуева, желали бы исполнить его намерение и напечатать рукопись, которая в России может встретить цензурные затруднения, а в Германии может или принести пользу, или по крайней мере обратить на себя внимание».

Петр Бартенев, публикуя это письмо в издаваемом им «Русском Архиве» (1879. Кн. 3),

сопроводил его следующим комментарием: «Эта греческая рукопись - мистификация. Дело шло об известном труде Хомякова, напечатанном во втором томе его сочинений под названием "Опыт катехизического изложения учения о Церкви". Впрочем, на рукописи стояло другое название: "Церковь одна". В секрет, кажется, был посвящен только один Валуев; вероятно, он же или кто-нибудь по его заказу перевел ее на греческий язык с целью напечатать в Афинах или за границей. Она несколько времени ходила по рукам в Москве в рукописи с русским текстом, выдаваемым за перевод, и даже самые близкие друзья не знали настоящего автора. Говорят, покойный митрополит Филарет не дался в обман и, признав ее вполне замечательною, выразил, однако же, мнение, что она писана не греком и не лицом духовного звания, а светским (вероятно, по оригинальности некоторых мыслей и по своеобразию приемов, чуждых нашей официальной богословской школе). Впрочем, кажется, через год секрет раскрылся. Причина, почему Хомяков скрывал свое авторство, понятна: ему нужно было узнать мнение, свободное от всякого предубеждения, в пользу или против его имени, да и не хотелось в дело такого рода вмешивать невольные притязания личности».

Биограф Хомякова Владимир Завитневич предполагал, что Валуев не только был посвящен в «секрет», но до известной степени был даже инициатором написания трактата (как это было в другом случае, когда он запер Хомякова в комнате и унес с собой ключ, заставив его начать писание «Записок по всемирной истории»). Таким образом, «Церковь одна» датируется концом 1844 - началом 1845 года; во всяком случае, она написана не позднее конца 1845-го - Валуев умер в декабре этого года.

В греческом происхождении рукописи были уверены друзья Хомякова - Николай Гоголь и Василий Жуковский. Это и не удивительно. Катехизис Хомякова от начала до конца настолько тонко и последовательно выдержан в стиле древней рукописи, что у читателя-знатока, даже убежденного в том, что это сочинение Хомякова (сомнений в этом не возникало ни у его младших современников - Юрия Самарина, Ивана Аксакова и других, ни у богословов XX столетия - протопресвитера Василия Зеньковского, протоиерея Георгия Флоровского, профессора Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле Ивана Андреева), невольно закрадывалась мысль о существовании некоего оригинала. Искусная имитация Хомякова делает честь ему не только как автору-богослову, но и как стилисту-литератору.

Весной 1847 года Хомяков, захватив с собой рукопись, едет за границу. Встретившись в Эмсе с Жуковским и Гоголем, знакомит их с нею. План быстрого напечатания трактата не осуществился. По-видимому, на совете с Гоголем и Жуковским было решено, что рукопись нуждается в предисловии, которое Хомяков должен был написать по возвращении в Россию и переслать Жуковскому, - что он и исполнил. Жуковский получил рукопись в Бадене через князя Петра Андреевича Вяземского в конце 1847

года, но напечатать ее не сумел. По версии Владимира Завитневича, «Церковь одна» могла быть опубликована и произвести эффект только при условии перевода ее на один из европейских языков, - что представляло значительные трудности ввиду особого характера рукописи, написанной крайне лаконическим языком и требующей специальных богословских знаний. Хомяков же рассчитывал прежде всего на русского читателя; но в России «Церковь одна» в то время не могла быть напечатана из-за того, что написана светским лицом, - так что Хомяков оставил мысль о ее публикации. По-видимому, он пытался предпринять какие-то шаги через святителя Филарета, митрополита Московского, с которым часто общался в начале 1850-х годов по поводу своей известной переписки с англиканским богословом Пальмером, - но, очевидно, безуспешно. Впоследствии Хомяков писал Ивану Аксакову, что многие духовные лица, прочитавшие его «Исповедание» (как называл он свой трактат), «согласились, что оно вполне православно и только к тиснению неудобно или сомнительно». По этой же причине - чтобы избежать недоверия отечественной духовной цензуры - и Самарин издал богословские сочинения Хомякова не в России, а за границей.

При жизни Хомякова «Церковь одна» была оценена немногими. В числе их Гоголь, скорее всего так и не узнавший, что она написана Хомяковым и ценивший ее как святоотеческое творение. В августе 1847 года он извещал своего ближайшего друга графа Александра Петровича Толстого: «Хомяков, между прочим, привез с собой катехизис, отысканный им, на греческом языке в рукописи. Катехизис необыкновенно замечательный. Еще нигде не была доселе так отчетливо и ясно определена Церковь, ее границы, ее пределы».

К мнению Гоголя стоит отнестись с доверием: он был весьма начитан в святоотеческой литературе. Ныне известен большой сборник его выписок из творений святых отцов и учителей Церкви. После смерти Гоголя в его бумагах была найдена тетрадь, в которую он собственноручно переписал «Церковь одну»; это свидетельствует, что он ценил ее именно как православный катехизис. Данная рукопись подала повод к курьезной ошибке: сочинение было принято за гоголевское. 13 ноября 1895 года известный издатель Адольф Федорович Маркс писал биографу Гоголя Владимиру Шенроку (письмо хранится ныне в Российской государственной библиотеке): «Спешу препроводить на Ваше заключение вновь найденную оригинальную рукопись Гоголя под названием "Церковь одна", которую мне предложил приобрести Василий Яковлевич Головня, сын сестры Гоголя, Ольги Васильевны. По словам г. Головни, рукопись эта нигде не была напечатана и представляет большой интерес. Я не успел просмотреть ее, так как г. Головня приехал специально в Петербург для продажи этой рукописи и требует ответа до четверга. За рукопись и право печатания он просит тысячу рублей. Рукопись и это письмо Вы получите завтра, во вторник. Будьте добры сейчас же рассмотреть ее и возвратит в тот же день и никак не позднее среды. Прошу также при возвращении рукописи сообщить мне, насколько она представляет интерес, стоимость ее по Вашему мнению и где можно бы поместить статью эту - в 6 или 7 томе» [\[2\]](#) .

В перечне рукописей Гоголя, хранящихся в Московском Румянцевском музее (ныне Российская государственная библиотека), помещенном Владимиром Шенроком в седьмом томе 10-го издания Сочинений Гоголя (СПб., 1896), значится и «Церковь одна». Местонахождение ее в настоящее время неизвестно.

В высокой оценке рукописи как святоотеческого творения Гоголь невольно сошелся с мнением своих современников - Ивана Аксакова и Юрия Самарина, знавших настоящего автора катехизиса и ставивших его, может быть, несколько преувеличенно, наравне с учителями Церкви. Иван Аксаков в 1860 году говорил о значении трудов Хомякова: «Мудрец с младенческой простотой души, аскет, постоянно озаренный святым веселием души, поэт, философ, пророк, учитель Церкви, Хомяков, как и в порядке вещей, был оценен при жизни очень немногими, но значение его будет расти с каждым годом. Его слово еще звучит, несется через современные поколения к поколениям грядущим».

Юрий Самарин писал в предисловии ко второму тому сочинений Хомякова: «В былые времена тех, кто сослуживал православному миру такую службу, какую сослужил ему Хомяков, кому давалось логическим уяснением той или другой стороны церковного учения одержать для Церкви над тем или другим заблуждением решительную победу, тех называли учителями Церкви».

Религиозное мировоззрение Хомякова основывалось не только на глубоком знании святоотеческих писаний, но и на живой, горячей вере, на практической жизни в лоне Русской Православной Церкви. Об этой особенности единодушно свидетельствуют близко знавшие его. «Церковь была для него живым средоточием, из которого исходили и к которому возвращались все его помыслы; он стоял перед ее лицом и по ее закону творил над самим собою внутренний суд» (Юрий Самарин). «В нем поэт не мешал философу, и философ не смущал поэта; синтез веры и анализ науки уживались вместе, не нарушая прав друг друга; напротив, *в безусловной, живой полноте* своих прав, без борьбы и противоречия, но свободно и вполне примиренные. Он не только не боялся, но признавал обязанностью мужественного разума и мужественной веры спускаться в самые глубочайшие глубины скепсиса, и выносил оттуда свою веру во всей ее цельности и ясной, свободной, какой-то детской простоте» (Иван Аксаков).

Значение Хомякова состоит не только в том, что он, мирской человек, писатель, оказал значительную услугу Русской Православной Церкви в ее самоопределении перед лицом инославия; его работы являются целым этапом в развитии русской религиозной мысли,

отсюда ведет свою родословную новая философско-богословская школа конца XIX - начала XX века.

Катехизический трактат Хомякова в нашу эпоху приобретает новое, сугубо современное звучание: он противостоит, с одной стороны, всем попыткам раскола Церкви; с другой - попыткам «соединения» якобы разделенных Церквей. На бесплодность как того, так и другого указывает само название трактата: «Церковь одна». И если мы прибавляем к слову «Церковь» определение «Православная» - то лишь в силу существования в христианском мире отколовшихся от нее частей. По слову Хомякова: «Когда исчезнут ложные ученья, не нужно будет и имя Православия; ибо ложного Христианства не будет».

Владимир □ Алексеевич Воропаев, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

В печатном виде опубликовано: □ «К единству! Журнал Международного общественного Фонда единства православных народов». М., 2019. □ 3 (126).

---

[1] Никео-Константинопольское исповедание (или Символ Веры) - краткое изложение христианской догматики, состоящее из двенадцати членов. Было составлено на Первом Вселенском Соборе в Никее в 325 г. (первые семь членов) и дополнено на Втором Вселенском Соборе в Константинополе в 381 г. (последние пять членов).